

Екатерина Свет
Таня Белкова

Мой фельдшер

Земский рубеж

Таня Белкова

Мой фельдшер. Земский рубеж

«Автор»

«Автор»

2026

Белкова Т.

Мой фельдшер. Земский рубеж / Т. Белкова — «Автор»,
«Автор», 2026

Я приехала в таежный поселок, чтобы начать заново после предательства жениха. Но вместо спокойной работы земского врача — сломанный каблук, чемодан в грязи и суровый фельдшер, который подхватывает меня на руки и везет на экстренный вызов. Савелий Чернов не умеет говорить красиво. Зато с ним не страшно ни в ледяной реке, ни на занесенной снегом дороге. Он доверяет мне чужие жизни, бережет мои руки — и заставляет сердце биться так, что я забываю все прежние обиды. Только нашу глушь уже поделили без нас: чиновники хотят закрыть медпункт ради карьера. Отступить — значит оставить людей без помощи. Я привыкла справляться сама. Но хватит ли мне смелости бороться рядом с Савелием — и снова довериться мужчине?

© Белкова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Екатерина Свет

Мой фельдшер. Земский рубеж

Мой фельдшер. Земский рубеж

Екатерина Свет и Таня Белкова

Глава

1

Ледяная крупа секла лицо с такой яростной силой, будто суровое приполярное небо над Северным Уралом решило проучить меня за побег из лощенного, благополучного Петербурга.

Старый рейсовый ПАЗик, надсадно взревев пробитым глушителем, захлопнул дребезжащую гармошку дверей прямо у меня за спиной. В щель между изъеденными ржавчиной резинками высунулось прокуренное, небритое лицо водителя — пожилого шофера Степана Ильича Воронова:

— Всё, девонька, конечная! Дальше мосты смыло, в тайгу только лесовозы на тросах суются. Вон за тем бугром Кедровый Яр. Дотянешь как-нибудь!

Колеса автобуса взвихрили фонтан бурой жижи вперемешку с мокрым снегом и тяжело погребли обратно к тракту. Я осталась одна посреди глухой, сплошной стеной обступающей дорогу тайги.

Ветер рванул полы демисезонного пальто — глупая городская покупка, выбранная для питерской сырости, но абсолютно беспомощная перед ледяным дыханием уральского предгорья. Я сделала шаг по суглинистой колее, но правый модельный ботильон мгновенно затянуло в липкую, вязкую глину по самую щиколотку. Ледяная жижа хлынула за край тонкой кожи, обжигая ступню нестерпимым холодом. Раздался сухой, жалобный хруст: наборный каблук намертво заклинило между кругляками старой гати, и он отломился под корень.

Теряя равновесие, я судорожно взмахнула руками. Ветхий зонт вывернуло спицами наружу и вырвало из онемевших пальцев ураганным порывом. Мой кожаный чемодан — всё мое приданое с конспектами кафедры оперативной хирургии, стетоскопом, крахмальными халатами и инструментами — соскользнул в чавкающую лужу. Замок с щелчком разошелся, и белоснежный наглаженный хлопок мгновенно напился ржавой глиняной грязью.

— Господи... — выдохнула я, судорожно глотая злые слезы, которые тут же замерзли на ресницах. — Ну за что мне всё это?..

Я стояла на одной ноге в разорванном капроновом чулке, глядя на тонущие вещи, и впервые малодушно вспомнила надменные слова Вадима Воропаева перед моим отъездом: «Куда ты лезешь, Поля? В какую глушь? Ты же без меня и недели в тайге не протянешь, на коленях приползешь просить кафедру обратно».

Внезапно глухой утробный рев, перекрывший вой метели, заставил содрогнуться саму землю.

Из-за скального поворота, вздымая двухметровые веера грязи и разбрасывая комья щебня из-под широких зубастых шин, вылетел темно-зеленый армейский УАЗ с высоким брезентовым верхом и военными мостами. Машина неслась с пугающей, отчаянной скоростью. Увидев меня посреди колеи, водитель резко вывернул руль; вездеход юзом пошел боком, тормоза взвизгнули, и железный бампер замер буквально в метре от моих коленей.

Водительская дверь с грохотом распахнулась. На заваленную снегом гать спрыгнул мужчина — и я невольно затаила дыхание.

Это был настоящий таежный исполин под два метра ростом, с могучей косой саженью в широких плечах под расстегнутым черным ватником. Литые скулы, обветренная до брон-

зового загара кожа, глубокий шрам над левой бровью, уходящий к самому виску, и колючие, невероятно внимательные серые глаза, смотревшие из-под нависших бровей с жесткой собранностью таежного зверя.

Прежде чем я успела отшатнуться, его тяжелая рука в брезентовой верхонке обхватила меня за талию. Одним слитным, нечеловечески мощным движением он оторвал меня от земли, подняв в воздух так легко, будто я не весила ничего. На секунду я оказалась прижата к его каменной груди, ощутив исходящий от него густой дух: терпкий запах смолы, оружейного масла, крепкой махорки и чистого морозного ветра.

Второй рукой он на лету подхватил мой раскрывшийся чемодан, сгреб вещи, швырнул всё в кузов и шагнул к высокой пассажирской подножке.

— Пустите! — захрипела я от испуга и возмущения, упираясь кулаками в его ключицы. — Что вы делаете?! Поставьте меня немедленно!

Мужчина даже бровью не повел. Его мускулы под грубым сукном ватника были твердыми, как гранитная скала. Он буквально втолкнул меня на высокое дерматиновое сиденье и рывкнул густым, раскатистым басом, перекрывающим вой раздатки:

— Доктор Мельникова? Хватит крыльями хлопать! Я фельдшер здешний, Савелий Борисович Чернов. На восемнадцатом километре трелевочник кувыркнулся на косогоре. Парня пятитонной рамой щита придавило. Бедро в труху, артерия свистит. Либо мы летим туда прямо сейчас, либо через сорок минут на делянке будет труп. Вопросы есть?!

Слова застряли у меня в горле. Вся столичная обида, холод и глупая неловкость за сломанный каблук испарились за долю секунды. Внутри меня щелкнул привычный тумблер дежурного хирурга.

— Вопросов нет, — мой голос прозвучал сухо, собранно и звонко. — Заводи.

Мужчина задержал на мне тяжелый, пронизательный взгляд из-под мокрой челки, захлопнул за мной железную дверь и в два прыжка обежал капот.

* * *

В кабине было холодно и тесно, но пахло нагретым моторным железом и строгим армейским порядком.

Великан ввалился на водительское место, и машина ощутимо просела на рессорах. Он с силой вбил рычаг раздатки, но прежде чем бросить сцепление, вытащил из-под сиденья тяжелый термос и сунул мне в руки исходящую паром металлическую кружку:

— пей. Там чага со зверобоем и брусничником. Пока до делянки долетим — согрейся. Руки дрожать будут — толку от тебя под рамой ноль.

Я обожгла губы горячим, терпким настоем. Живительное тепло мгновенно покатилося вниз по пищеводу, разгоняя ледяное оцепенение в груди.

— Я фельдшер здешний, — бросил он, удерживая тяжелую баранку на скользком гребне колеи. — Чернов Савелий. В медпункт заезжать некогда было, я всю хирургическую укладку в кузов закинул: ампулы, шелк, новокаин, зажимы, шины. Ты старший врач выезда, Мельникова. Командуй, что готовить к вене, пока я держу дорогу.

Я взглянула на его челюсти, сжатые до белых желваков: он не стал насмехаться над моим городским видом, а безоговорочно признал во мне главного хирурга и передал руководство вызовом.

— Жгут кровоостанавливающий есть? — спросила я, ставя кружку и открывая кофр.

— Три штуки Эсмарха и два армейских турникета.

— Капельницы? Плазмозаменители?

— Полиглюкин, пять флаконов по четыреста граммов. Физраствор, глюкоза. Всё теплое, у печки стояло, в одеяла укутано.

— Подключичные катетеры?

— Два набора Сельдингера, единица и двойка. Иглы целы.

— Отлично. Если артерия разорвана, в периферию не войдем — вены спадутся от кровопотери. Сразу пойдем в подключичную вену. Гони!

УАЗ летел сквозь тайгу, подпрыгивая на ледниковых валунах. В узком распадке дорогу перечеркнула упавшая ель — полуметровый ствол рухнул поперек колеи: слева скала, справа крутой обрыв в ледяной ручей.

Савелий ударил по тормозам, выровняв машину в полуметре от смолистых лап. Он выхватил бензопилу «Штиль», дернул шнур и выпрыгнул в снежную кашу.

Я не осталась сидеть в тепле: сбросив сломанные ботильоны, я сунула ноги в лежавшие на полу чьи-то огромные резиновые чуни, натянула брезентовые рукавицы и высочила следом под колючий ливень.

Шина пилы с пронзительным визгом вгрызлась в сырую древесину, фонтан пахучих опилок брызнул в темноту. Как только тяжелый чурбак отделился от ствола, я навалилась на него всем корпусом, поддевая мокрую кору, и уперлась ногами в камни. Жилы на шее натянулись до боли, но я с глухим рычанием спихнула многопудовое бревно под откос, расчищая путь.

Савелий заглушил пилу, бросил ее в кузов и на секунду замер. Дождь струился по его лицу, и в глубине серых глаз блеснула скупая, ошеломленная усмешка:

— Хватка есть, докторша. Не сахарная. Прыгай в кабину, впереди Вижаиха вздулась!

* * *

Перед нами разверзлась черная ревущая река.

Вижаиха за сутки осенней распутицы поднялась больше чем на метр: темная вода с ревом перекачивалась через гранитные валуны, неся вырванные с корнем кусты и комья мерзлой глины. Мелкий каменистый пережат скрылся под полуметровым слоем яростных белых бурунов.

— Брод затопило! — крикнула я сквозь вой воды. — Пройдем?!

— Должны! — отрезал Савелий, вбивая первую пониженную. — Если встанем — смоем к чертям. Держись двумя руками за поручень!

УАЗ с глухим ударом врезался в поток. Ледяная волна накрыла капот, с грохотом ударила в стекло. Сквозь щели пола в салон хлынула ледяная вода, обжигая щиколотки и поднимаясь к голениям.

Посреди стремнины машина вздрогнула и встала. Двигатель зачихал — вода дошла до воздухозаборника. Корму подхватило течением и начало медленно разворачивать к глубокому пережатию.

— Держи тумблер массы! — крикнул Савелий.

Он ударом ноги распахнул дверь и шагнул прямо в бурлящий поток. Ледяная река дошла ему до пояса, сбивая с ног, но он устоял, как вросший в дно гранитный утес. Перехватив тяжелый крюк троса лебедки, Савелий рванулся к скале противоположного берега, где чудом держалась вековая лиственница. Он захлестнул петлю за ствол и махнул рукой: «Тяни!».

Я дотянулась до пульта на приборной панели, щелкнула тумблером — тишина. Пульт сорвало от качки, он упал в затопленный пол, провода закоротило, из корпуса пошел вонючий сизый дым.

Вода подступала к сиденьям. Еще двадцать секунд — и гидроудар разорвет блок цилиндров, а Савелия сорвет со скалы натянувшимся тросом.

Я спрыгнула с сиденья прямо в ледяную воду, заполнившую кабину по колено. Опустив руки на ощупь в ледяную муть, я вытащила разбитый пульт. Кнопка запала намертво. Не раздумывая, я вцепилась зубами в мокрую оплетку, сорвала изоляцию с проводов, выдернула из волос длинную стальную шпильку и с силой перемкнула медные жилы напрямую к контакту реле.

Сноп искр обжег пальцы. Но под капотом с надрывным металлическим воем ожил барабан лебедки!

Трос натянулся, зазвенел, и нос УАЗа пополз вверх, преодолевая напор реки. Мотор натужно чихнул, схватил сухой воздух и заревел всеми цилиндрами. Савелий на ходу запрыгнул на подножку, перехватил руль, и вездеход с ревом выломился на песчаную косу берега.

Вода водопадами хлестала из дверей обратно в реку. Савелий сидел мокрый насквозь, с него текли ручьи, но он смотрел на меня — сжимающую обугленную шпильку в испачканных пальцах — с неприкрытым восторгом:

— Шпилькой замкнуть реле на массу... — он шумно выдохнул, и его широкая горячая ладонь на миг накрыла мое плечо, обдав тяжелым теплом. — Ну ты даешь, Мельникова. Железная девка. Держись, делянка близко!

Глава

2

Поляна на восемнадцатом километре встретила нас заревом тракторных фар и криками людей.

Огромный гусеничный трелевочник ТДТ-55 лежал на боку в глубокой колее. Многотонный стальной щит намертво прижал к глинистому грунту рабочего в разорванной брезентовой робе. Мужики уже зацепили трос за фаркоп второго трактора, готовясь сорвать упавшую раму с тела стонущего парня одним рывком.

— Майна! Рви его к лешему! — орал бородатый бригадир артели Демьян Трофимович Кузьмин.

Я выскочила из УАЗа прямо в суглинистую жижу:

— Отставить трос! — мой крик хлестнул по поляне, как щелчок бича. — Глуши дизель, немедленно! Если дернете рывком — рама срежет бедренную артерию, как гильотина, и раздробит таз. Он истечет кровью за двадцать секунд! Ломы под раму, клинья под упор, работать только по моей команде!

Мужики опешили, но из-за моей спины шагнул Савелий:

— Слышали? Доктор приказала. Архип Семёнович, глуши. Демьян, ломы сюда!

Трактор заглох. Я упала на колени в грязь рядом с зажатым парнем — лучшим вальщиком артели Семёном Ткачуком. Лицо его было пепельно-серым, сквозь разорванные ватные штаны торчал острый костный отломок бедренной кости, и из глубины мышц толчками хлестала алая кровь. Пульс нитевидный — за сто тридцать ударов. Травматический шок третьей степени.

— Сеня, слышишь меня? — позвала я, нащупывая сонную артерию.

— Доктор... ноги не чувю... холодно мне... — шептал он белыми губами.

— Домкрат под раму на три сантиметра! Не выше, иначе продукты распада мышц хлынут в кровоток и убьют почки!

Мужики начали качать домкрат, но глина поплыла, сталь сорвалась, и рама снова осела. Сеня истошно закричал от боли.

Тогда Савелий сбросил бушлат, подполз прямо под нависшую махину, уперся спиной в стальную балку через сосновый кряж и стал распрямлять ноги. Я услышала, как затрещали сухожилия на его плечах. Вены на его шее вздулись толщиной в палец, лицо побагровело от запредельного напряжения. Рама со стоном подалась вверх на спасительные три сантиметра.

— Лезь, Поля... — прохрипел он сквозь зубы. — Долго не удержу... Работай!

Я протиснулась под сталь рядом с его напряженным телом. От него исходил яростный жар, его мышцы дрожали от колоссальной нагрузки, но он держал на себе пять тонн железа ради жизни человека.

— Жгут на пах! — крикнул бригадир сверху.

— Никаких жгутов! Ишемия больше полутора часов, потеряет ногу и умрет от краш-синдрома! Мы восстановим кровоток на месте временным шунтом! Савелий, держи раму! Стерильный подключичный катетер и зажимы Гепфнера мне в руки!

И в этот миг раздался страшный, сухой треск.

Страховочный трос щита лопнул, как выстрел. Стальной хвост рассек воздух и ударил по плечу девятнадцатилетнего стажера Коли Полякова. Юноша рухнул на колени, роняя лом, и повалился на бок, судорожно хватая ртом воздух.

Я обернулась: правая половина груди Коли не двигалась при вдохе, лицо стремительно синело, а шейные вены вздулись канатами.

— Напряженный клапанный пневмоторакс! — крикнула я. — Осколок ребра пробил плевру, воздух сжимает сердце! Две минуты до остановки!

— Доктор, торакального набора в тайге нет! — крикнул бригадир.

— Савелий, держи артерию Семена пальцем у надкостницы! — скомандовала я.

Савелий, не ослабляя упора в балку, протянул руку и намертво вдавил палец в рану Семена, перекрывая ток крови. Фонтан утих.

Я метнулась к Коле:

— Мария Степановна, ножницы и стерильную резиновую перчатку!

Седая акушерка ФАПа Мария Степановна Селезнёва, приехавшая на делянку с дедом Макаром раньше нас, мгновенно подала требуемое. Я срезала палец у перчатки, надсекла кончик бритвой и натянула резиновую трубку на канюлю толстой иглы Дюфо, обвязав шелком. Простейший клапан: наружу воздух выходит, назад не пускает.

— Держите его за плечи!

Старший механик поселка Егор Макарович Завьялов — дед Макар — навалился на парня. Я нащупала второе межреберье по среднеключичной линии и уверенно вогнала иглу в плевральную полость.

С резким шипением вырвалась струя сжатого воздуха с кровавой пеной. Коля судорожно выгнулся и сделал первый глубокий вдох. Синева сошла с лица. Он распахнул глаза и слабо ухватился за мой рукав.

Разжав пальцы, парень протянул мне пахнувший смолой предмет:

— Доктор... это Сенин оберег... Жена его, Тома Сергеевна, перед сменой дала... Спасите Сеню... у них первенец скоро родится...

На моей ладони лежал искусно вырезанный из кедрового комля медвежонок с янтарными глазами. От гладкого дерева исходило живое тепло. Я сунула талисман в карман под брезент, прямо к сердцу:

— Спасём, Коля. Дыши ровно!

* * *

Я вернулась под раму трелевочника. Савелий стоял на пределе человеческих сил, капли пота смешивались с дождем на его висках, но рука на разорванной артерии оставалась неподвижной.

— Колька жив? — хрипло выдохнул он.

— Дышит сам. Клапан работает. Теперь Сеня!

Мышцы бедра были размозжены в кашу. Налобный фонарь мигнул и погас от залившей его воды.

— Факел! — рявкнул Савелий. — Демьян, смолистую лучину запали! Поля, работай на ощупь, я верю твоим рукам!

Смоляное пламя озарило рану пляшущими алыми отблесками. Я погрузила пальцы прямо в глубину разорванных тканей. Вот она — бедренная артерия, разорвана почти на две трети, пульс угасает под пальцем.

— Зажим Гепфнера!

Вслепую, ориентируясь лишь на биение струи, я подвела изогнутые бранши под центральный конец сосуда и сомкнула замок. Второй зажим щелкнул на периферическом конце. Кровотечение замерло.

— Савелий, полиглюкин струйно в подключичку! Давление держим!

Я взяла стерильный пластиковый катетер диаметром два миллиметра, срезала канюлю, оставив пятисантиметровую эластичную трубку. Ввела один конец в просвет сосуда выше зажима, второй — в нижний отрезок артерии. Обернула мягкую резину турникета поверх трубки и затянула лигатуры выверенными узлами. Временный сосудистый шунт встал на место.

Секунда звенящей тишины. Я медленно разжала зажимы.

Пластиковая трубка вздрогнула. Сквозь прозрачные стенки толчком устремилась алая пульсирующая кровь. Через десять секунд белая стопа Семена потеплела и на глазах порозовела. Под моими пальцами на тыльной артерии стопы четко и сильно забился пульс!

— Есть пульс! — крикнула я сквозь слезы. — Кровоток восстановлен!

Савелий тяжело, судорожно выдохнул:

— Живой... Мужики, подпирайте раму бревнами! Принимайте Сеню!

— Стойте! Мышцы голени каменеют от отека!

Я взяла скальпель и длинным лампасным разрезом рассекла фасцию голени по Войно-Ясенецкому. Напряженные мышцы с облегчением выбухнули в разрез, приобретая здоровый цвет. Опасность некроза миновала.

Мужики бережно вытянули Сеню на носилки и занесли в УАЗ вслед за Колей. Савелий выбрался из-под машины последним, с ободранными до крови плечами, тяжело дыша.

Бригадир снял шапку и низко поклонился мне в пояс:

— Спасибо тебе, докторша. Сеня — наш лучший парень, кормилец. Ты не просто ногу ему сберегла. Ты душу нам всем спасла.

Я стояла в огромных резиновых чунях, перемазанная глиной и кровью, дрожа от холода, но внутри разливалось ликующее счастье. Мы вырвали у смерти двоих.

* * *

Обратный путь сквозь ночную тайгу стал проверкой на излом.

УАЗ швыряло по лесовозной гати, за тонкими бортами выл ветер, мокрый снег залеплял щели. В санитарном отсеке горел лишь тусклый керосиновый фонарь. Пахло кровью, железом и спиртом.

Я сидела на корточках между носилками, прижимая флакон полиглюкина к груди. Внезапно машина рухнула правым бортом в глубокую промоину. Штатив сорвало с потолочного крюка, и тяжелый стеклянный флакон полетел прямо на лицо спящего Семена!

Я метнулась вперед, закрывая пациента собой. Поймала флакон на лету, но локоть со всего маху врезался в стальное ребро носилок. Дикая боль обожгла руку, искры брызнули из глаз. Закусив губу до крови, я удержала иглу в вене неподвижно. Капельница продолжала мерно отсчитывать капли.

Но от страшного толчка на бедре Семена сквозь повязки проступило темное пятно — шунт сместился!

Я навалилась корпусом на бедро, создавая пальцевое прижатие, зубами расправила залом трубки и вытащила длинный тонкий анатомический пинцет из своей хирургической укладки. Полированная медицинская сталь привычно легла в озябшие пальцы. Миллиметр за миллиметром я подтянула резиновую лигатуру, восстановив ровный ток крови.

Но мороз брал свое. Одежда промокла насквозь, и после спада адреналина мои кисти охватил жестокий гипотермический тремор. Нужно было наложить контрольный шов на сползающую дренажную трубку, но игла в иглодержателе ходила ходуном. Еще миг — и онемевшие пальцы пропорят стенку сосуда.

— Не могу... — с отчаянием шепнула я в темноту. — Пальцы не слушаются...

Перегородка скрипнула. Руль перехватил дед Макар, а в отсек протиснулся Савелий.

Он увидел мои побелевшие руки и опустил на колени позади меня. Его широкие, раскаленные ладони намертво обхватили мои локти, создав несокрушимый упор, а грудь прижалась к моей спине, передавая мощное, живое тепло:

— Я держу тебя, Поля, — его низкий, горячий шепот коснулся уха, разгоняя страх. — Дыши ровно. Работай, доктор, я с тобой.

Его жар прошел меня насквозь. Тремор отступил. Одним точным движением я наложила контрольный узловый шов, зафиксировав дренаж.

— Всё... готово, — выдохнула я, опуская руки.

И тогда Савелий сбросил сухой овчинный тулуп, накрыл меня с головой тяжелым пахучим мехом, сел рядом на рифленый пол и бережно взял мои застывшие ладони в свои огромные руки. Он поднес мои пальцы к губам и стал отогревать их горячим дыханием, осторожно растирая каждую фалангу.

Я замерла. Суровый таежный волк смотрел на меня с такой бездонной мужской нежностью, словно держал в руках величайшую драгоценность. В его глазах горело священное уважение равного к равному.

— Ты вытащила их, Поля, — тихо произнес он. — Обоих из могилы вырвала. Ты настоящий хирург. Доктор от Бога.

Слезы облегчения обожгли щеки. Ледяной панцирь одиночества после предательства жениха рухнул без следа. За моей спиной теперь стоял мужчина, готовый защитить меня от любой беды.

Впереди снова взревела река. Ночной брод поднялся еще выше, но Савелий лишь крепче сжал мою ладонь:

— Сиди в тепле. Сейчас будем дома.

Он вернулся за руль, и УАЗ на форсаже пробил бурлящую стремнину Вижаихи, выскочив на гравий центральной улицы поселка.

* * *

У ворот медпункта сквозь снегопад светил желтый фонарь. Марья Степановна первой выбралась из санитарного отсека, открыла медпункт и вынесла на скрипучее крыльцо керосиновую лампу.

Машина замерла. Мужики во главе с дедом Макаром на руках бережно понесли носилки с Сеней и Колей в жарко натопленный стационар, пахнущий полынью, мятой и березовым дымом.

Я выбралась из кузова последней. Ноги подкашивались от чудовищной усталости. Дойдя до смотровой, я опустилась на деревянную скамью у стены и прислонилась затылком к теплым бревнам сруба. Резиновые перчатки намертво присохли к онемевшим рукам.

В стационаре всё затихло. Марья Степановна меняла повязки, шепча благодарные молитвы. Дыхание обоих парней было ровным, чистым и глубоким. Шунт работал. Клапан держал. Жизнь победила.

Тяжелая дубовая дверь медпункта закрылась. Раздался глухой стук кованого засова — Савелий запер вход, отсекая вой бури за порогом.

Его неслышные шаги приблизились ко мне. Савелий медленно опустился передо мной на одно колено прямо на дощатый пол.

В полумраке его глаза светились глубоким, согревающим теплом. Он осторожно взял мои руки и миллиметр за миллиметром стянул испачканную резину с пальцев, освобождая озябшую кожу. Накрыл мои ладони своими широкими, горячими руками, согревая до самых запястий.

— Всё позади, Полина Юрьевна, — негромко произнес он, глядя мне прямо в душу. — Ты выстояла. Спасла ребят. Теперь ты дома. Слышишь? Ты на своем месте.

Я посмотрела на него сквозь пелену слез, чувствуя, как жар русской печи и тепло его ладоней прогоняют остатки ледяного кошмара.

— Дома... — прошептала я.

— Дома, — повторил он, и его пальцы крепче сжали мою руку. — Отдыхай. Я сейчас принесу горячей воды и пихтовой мази. Я буду рядом. Ничего не бойся.

Глава

3

Утро в Кедровом Яре занялось медленно, сквозь густую пелену тихого, ленивого снегопада.

Ледяной шторм, терзавший тайгу всю ночь, наконец утих, оставив за бревенчатыми стенами медпункта полуметровые сугробы девственно чистого, ослепительно белого снега. Ночной кошмар на лесоповале — скрежет искореженного металла трелевочника, хлещущая из разорванной бедренной артерии алая струя, крики испуганных мужиков и слепящие фары санитарного УАЗа — остался позади. Но моё тело помнило каждую секунду той изнурительной битвы.

Мышцы спины и плеч одеревенели, налившись свинцовой усталостью. Пальцы, сбитые в кровь о мерзлое железо и сорванные колючими ветками, пульсировали тупой, ноющей болью. Одежда промокла до нитки от ледяной мороси и болотной жижи, пальто висело на мне заскорузлым панцирем.

Скрипнула тяжелая дубовая дверь сеней. На пороге возник Савелий. Он уже успел сменить пропитанную соляжкой штормовку на сухой шерстяной свитер крупной вязки. В его руке парило деревянное ведро, от которого поднимался густой травяной дух.

— Баня истоплена, Полина, — негромко сказал он. В его глубоком голосе не было привычной настороженности — только спокойная, надежная мужская забота. — Кедровый полок, березовые веники с полынью и чабрецом. Иди, смой эту лесную грязь, копоть и чужую кровь. Я приготовил чистое.

Я поднялась со скамьи, но колени предательски подогнулись. Савелий молча подставил крепкое плечо, придержал за локоть и помог сделать первые шаги через сени к бревенчатой баньке, стоявшей в глубине двора.

В предбаннике было жарко натоплено, пахло сухими березовыми дровами и смолистым деревом. Я потянулась к пуговицам пальто, но онемевшие пальцы наотрез отказались повиноваться. Костяшки опухли, сорванная кожа у ногтевых лож саднила, мелкая судорожная дрожь пробегала по предплечьям. Попытавшись расстегнуть верхний воротник, я выронила костяной гребень, и он со стуком провалился в щель дощатого настила. От бессилия и нервного истощения к горлу подкатил ком.

Савелий, заносивший в моечное отделение ушат с холодной колодезной водой, обернулся. Увидев мои безуспешные попытки, он поставил ушат, подошел и опустился передо мной на одно колено прямо на чистый дощатый пол.

— Не мучай руки, доктор, — тихо и мягко произнес он.

Его пальцы — широкие, огрубевшие от топора и таежного труда, но удивительно чуткие — осторожно перехватили мои застывшие запястья. Он не делал ни одного лишнего движения. Секунда — и неподатливая верхняя пуговица поддалась. Вторая, третья... Савелий бережно снял с моих плеч тяжелое мокрое сукно и повесил на кованный крюк у входа.

Я осталась в тонкой майке и влажном трикотаже, невольно скрестив руки на груди. Я ждала неловкости, тени мужского превосходства или сарказма, к которому привыкла в клиниках Петербурга, но в темных глазах Савелия не было ни капли пошлости. Только бездонное, кристально чистое уважение к уставшему соратнику, с которым он только что вырвал две жизни из пасти смерти.

— Запрись изнутри, Поля, — сказал он, отступая к выходу. — Грейся, сколько потребуется. Чайник на полке.

Тяжелая липовая дверь закрылась за ним. Я сама накинула кованный крючок.

Я шагнула в парную. Густой, смолистый жар кедровых бревен мгновенно обнял озябшее тело. Замерзшие сосуды отреагировали резкой волной тепла: кровь глухо застучала в висках, пол под ногами качнулся, накатил приступ ортостатической дурноты. Чтобы не потерять сознание на горячем полке, я опустилась на колени на нижнюю ступень настила, зачерпнула ковшом ледяной родниковой воды из дубового ушата и плеснула себе в лицо и на ключицы. Спазм отпустил. Дыхание выровнялось.

В деревянной шайке томился распаренный веник из пихтовых лап, мяты и душицы. Я подняла его, прижала к лицу и сделала глубокий вдох. Терпкая, хвойная свежесть ворвалась в легкие, выжигая въевшийся запах соляжки, болотного ила и артериальной крови. Горячая мыльная вода смывала с меня слой за слоем столичную обиду, ночной ужас болотной гати и леденящий страх ошибки.

Вернувшись в предбанник, завернувшись в льняную простыню, я посмотрела на деревянную вешалку, где надеялась найти казенный больничный халат.

Но на крючке висела не больничная холстина. Савелий оставил для меня свою собственную фланелевую рубашку в темно-синюю крупную клетку — выстиранную до младенческой мягкости, пахнущую морозным утром, сухим кедром и едва уловимым терпким запахом его кожи.

Я натянула ее через голову. Подол доставал мне почти до колен, превратившись в просторное теплое платье. Широкие рукава закрывали кисти целиком — мне пришлось подвернуть их трижды, открывая запястья. Мягкая ткань ласково грела плечи. В этой огромной мужской вещи я впервые за долгие месяцы травли почувствовала себя не загнанным полевым хирургом, а защищенной, хрупкой и бесконечно женственной.

Я приоткрыла дверь бани. За время моего мытья на двор обрушился густой уральский снегопад. Тропинку замело тридцатисантиметровым слоем пушистого снега, а резиновые чуни остались сушиться у печи в медпункте. Я замерла на пороге в одних вязаных шерстяных носках, собираясь шагнуть в сугроб.

Снег под чьими-то тяжелыми шагами резко хрустнул. Из-за угла вышел Савелий с деревянной снеговой лопатой. Увидев меня — мокрые волосы, рассыпанные по плечам, босые ноги и свою синюю рубашку, в которой я тонула, — он воткнул лопату в сугроб и шагнул на крыльцо.

— Куда босиком по снегу? — с мягким укором проворчал он.

Не успела я ответить, как его сильные руки подхватили меня под колени и спину, оторвав от пола. Я вскрикнула и обхватила его за шею, ощутив под пальцами жесткий воротник свитера и горячую пульсацию сонной артерии. Савелий прижал меня к своей широкой груди легко, словно я весила не больше ребенка, и в три широких шага перенес через пушистые сугробы двора.

— Не хватай простуду, доктор, — негромко выдохнул он мне на ухо, и от его горячего дыхания по спине пробежали мурашки. — Твои руки нам здоровыми нужны. Они жизнь людям возвращают.

Он поставил меня прямо на теплый домотканый половик в сенях медпункта, на мгновение задержав ладони на моей талии, прежде чем отступить.

* * *

На кухне медпункта царило райское, умиротворяющее тепло.

Огромная кирпичная русская печь занимала добрую треть пространства. Ее беленые бока пылали жаром, заслонка была чуть сдвинута, и внутри весело потрескивали сухие березовые поленья, выбрасывая в полумрак золотистые искры. На длинном столе гудел начищенный медный самовар, пуская клубы пара к потолочным балкам. На льняном рушнике высилась гора румяных, пышных шанег с брусникой и домашним творогом, от аромата которых кружилась голова.

— Садись, голубушка, садись к печи! — засуетилась Марья Степановна, внося миску с рассыпчатой пшенной кашей, сдобренной топленым маслом. — Отогревайся. Парни спят аки младенцы, повязки сухие, пульс ровный!

Я опустилась на широкую скамью у печи, чувствуя, как тепло кирпичей прогревает ноющую спину. Достав из аптечного шкафчика флакон со спиртом и марлевые шарики, я попыталась обработать сбитые пальцы. Но стоило едкой жидкости коснуться сорванной кожи у ногтевого ложа указательного пальца, как дикая, пульсирующая боль пронзила кисть до самого локтя. Я вскрикнула, уронив флакон на дощатый стол.

— Спиртом по живой содранной надкостнице? — раздался за спиной строгий голос.

Савелий перехватил флакон и решительно отставил его в сторону.

— Ты хороший хирург, Полина, но сейчас ведешь себя как глупый студент на первой практике. Дай сюда руки.

— Я справлюсь сама, Савелий, — попыталась я спрятать пальцы в широкие рукава рубашки. — В операционной нет времени себя жалеть.

— А ты не в клинике, — отрезал он, непререкаемо перехватывая мою кисть за запястье. Его пальцы сомкнулись теплым надежным кольцом. — Здесь тайга. И лечить тебя будем по-таежному.

Из запечного шкафчика он достал глиняную баночку, горлышко которой было залито темным пчелиным воском. Охотничьим ножом он срезал сургуч. Комнату мгновенно наполнил густой аромат: смолистая пихтовая живица, терпкий прополис, целебные травы и бархатный дух очищенного медвежьего жира.

Савелий сел на скамью вплотную ко мне. Расстояние между нами сократилось до нескольких сантиметров. Я слышала его ровное дыхание, видела серебряные нити седины на его висках и крошечную ямочку на мужественном подбородке. Он зачерпнул подушечкой пальца янтарную мазь:

— Первые секунды будет шипать. Терпи, доктор.

Смола обожгла ранку терпким холодом, заставив меня вздрогнуть. Но Савелий не убрал руки. Его пальцы начали медленно, бережно и уверенно массировать каждую фалангу моей ладони.

Он разминал натруженные мышцы тенара, круговыми движениями растирал отечные межфаланговые суставы, втирая живицу глубоко под кожу. Тепло его широких ладоней проникало сквозь кожу в самые кости, снимая сковывающий спазм. Боль отступала, растворяясь в тягучей истоме.

Мое дыхание перехватило. В груди сладко заныло. Я попыталась отвести взгляд на танцующие языки пламени в печи, но Савелий взял мою вторую ладонь, бережно переплел свои пальцы с моими и поднял глаза.

Его серый взгляд, глубокий и пронзительный, был полон такого обнаженного восхищения и мужской преданности, что сердце у меня заколотилось у самого горла.

— У тебя руки святые, Полина, — негромко, с легкой хрипотцой произнес он. Каждое слово падало в тишину кухни весомо, как отлитое в бронзе. — Я десять лет здесь один людей латаю. Всякого насмотрелся. Но чтобы городская девчонка под пятитонной железякой в грязи и на морозе вслепую артерию сшила... Я такие руки никому в обиду не дам. Слышишь меня? Запомни это раз и навсегда. Пока я рядом — никто тебя не тронет.

Слезы, которые я сдерживала с самого приезда, обожгли щеки. В Петербурге жених Вадим с холодным расчетом вычеркнул мое имя из патента на сосудистый шов, сказав: «Ты женщина, Поля, тебе нужна семья, а мне — кафедра». Никто никогда не защищал меня.

А этот суровый таежник с израненным сердцем закрыл меня собой от всего мира.

Я не стала отнимать ладоней. Я сжала его пальцы в ответ, чувствуя, как смола греет кожу.

— Спасибо, Савелий, — тихо, но твердо сказала я. — Я не подведу.

Марья Степановна незаметно смахнула слезу фартуком и с шумом поставила перед нами глиняные кружки с брусничным взваром:

— Пейте, касатики, отогревайтесь! Шанежки берите, пока горячие!

Глава

4

После завтрака наступило время клинического обхода.

Я накинула свежий белый халат поверх фланелевой рубашки Савелия и вошла в послеоперационную палату. Воздух здесь пах сухой ромашкой, хвоей и свежевыстиранным льном.

На первой койке полулежал Семен Ткачук. Оперированная правая нога покоилась на шине Белера, прикрытая байковым одеялом. Лицо парня еще хранило печать кровопотери, но синева под глазами посветлела, а дыхание было глубоким и ровным.

— Доброе утро, докторша, — слабо улыбнулся Сеня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.